

С. П. БРЮН

ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНКСКОЙ ЖЕНЩИНЫ НА ЛАТИНСКОМ ВОСТОКЕ

Автор рассматривает положение женщин на Латинском Востоке на примерах правительниц, которые держали фьефы, издавали хартии, стояли во главе оборонявшихся городов, восходили на княжеские и королевские престолы, и даже вступали в открытую борьбу за власть со своими достигшими совершеннолетия сыновьями.

Ключевые слова: *Латинский Восток, Иерусалимское королевство, власть, женщины.*

Тема положения женщины – одна из самых противоречивых в современной медиевистике. Особенно примечательны изменения, произошедшие в Высоком средневековье, в эпоху расцвета культа Девы Марии, поэзии трубадуров и куртуазной любви. Однако одна «область» средневекового мира остается за рамками внимания в связи с «женским вопросом». Речь идет о «Заморской земле» – Латинском Востоке, который в XII–XIII вв. оставался форпостом западно-христианского мира на пути к восточно-христианским и мусульманским землям.

В эпоху крестовых походов и расцвета Реконкисты на Западе появляются знатные дамы, открыто стремившиеся к власти и достигшие в этом значительных успехов: вспомним Урраку Кастильскую, Адель Нормандскую, Матильду Английскую, Бланку Кастильскую и, конечно же, Алиенору Аквитанскую, ставшую популярным символом женской «эмансипации». Но не меньше «власть имущих» женщин мы видим на Латинском Востоке, куда уходила значительная и наиболее воинственная часть мужчин средневекового Запада, оставляя опустевшую Европу, в которой постепенно возрастала социальная роль женщины¹.

Казалось бы, условия Латинского Востока никак не могли способствовать укреплению социального положения женщины. Во-первых, территория франкских государств Заморской земли оставалась «на острие» борьбы с мусульманским миром и, при постоянной угрозе со стороны мусульман, женщине уж точно не могла быть доверена власть над фьефом или городом. Во-вторых, культурное влияние арабского Востока должно было способствовать закреплению женщины. От Жака де Витри мы знаем о том, что и сирийские православные («сириане»), и рожденные в Заморской земле франки («пуланы»), стремились изолировать жен и дочерей, поддаваясь благочестивым мусульманским обы-

¹ *Ле Гофф.* 1992. С. 268.

чаем². О «пулланах» он писал: «Будучи людьми подозрительными и уязвленными ревностью, они держат своих жен под замком и следят за ними столь тщательно, что к ним с величайшим трудом могут пройти собственные братья и родственники. Им [т.е. женам «пулланов»] запрещено ходить в церкви и участвовать в торжественных процессиях, слушать проповедь слова Божия и делать те дела, которые относятся к спасению души. Церкви им дозволяют посещать не более раза в год. Некоторые все же дозволяют своим женам ходить в баню, три раза в неделю, но под строгим надзором. Наиболее состоятельные и знатные, желая казаться еще христианами, воздвигают алтари у постелей своих жен, приказывая невежественным, жалким клирикам и капелланам служить там мессу»³. Однако, сопоставляя эти слова с фактами, изложенными в латинской хронике архиепископа Гильома Тирского и в старофранцузских текстах его Продолжателя, в сирийской хронике Михаила Великого, или в «Деяниях киприотов», вышедших из под пера Тирского Тамплиера, мы вынуждены будем заподозрить Жака де Витри в преувеличениях, тем более что его крайне негативное отношение к заморским франкам хорошо известно. По крайней мере, можно усомниться в том, что подобные «ориентальные» нововведения коснулись представительниц высшего франкского нобилитета. Так о каких же фактах идет речь?

Если мы обратимся к европейской истории, то на протяжении XII века увидим женщин – наследниц обширных территорий, судьба которых напрямую зависела от брака этих венценосных дам. Право женщины на наследование движимого и недвижимого имущества, известное еще со времен молодых «варварских» королевств и зафиксированное в вестготском, бургундском и франкском законодательстве, в XII в. приобрело особое значение для западно-христианского мира. Браки венценосных наследниц решали судьбу таких важных регионов Европы, как Англия, Кастилия, Аквитания и Сицилия. Для государств Латинского Востока, территории и население которых во много раз уступали Западной Европе, влияние женщины-наследницы фьефа ощущалось еще сильнее.

В Заморской земле XII в. мы видим целую плеяду франкских королей, княгинь и баронесс, которые либо самостоятельно правили фьефами, либо приносили венец и земли своим мужьям, подчас – вопреки воле собственных вассалов. Первенство, бесспорно, принадлежит Мелисанде, королеве Иерусалимской. В 1131 г., после смерти отца – короля Бодуэна II де Бурга, Мелисанда была коронована и миропомазана у Гроба Гос-

---

² «Сириане» «подобно сарацинам, держат своих жен взаперти, а также закутыывают как жен, так и дочерей в чадры». *Iacobi de Vitriaco*. 1597. С. 75, р. 138.

³ *Iacobi de Vitriaco*. 1597. С. 73, р. 134.

подня, разделив престол с супругом – графом Фульком V Анжуйским. Первых 12 лет пребывания на престоле Мелисанда оставалась в тени своего супруга. Однако в 1143 г. Фульк погиб, и с момента его смерти Мелисанда правила как полноправная государыня Иерусалимского королевства, удерживая власть на протяжении последующих десяти лет.

Правление Мелисанды считается золотым веком Иерусалимского королевства. Именно в эти годы было завершено строительство Храма Гроба Господня, объединившего все святыни, связанные с евангельской историей Страстей и Воскресения Христа, а также с историей обретения Животворящего Креста, в рамках единого архитектурного комплекса. Однако Мелисанда известна не только как покровительница искусства. В 1144 г., после падения Эдессы, в то время как сирийские государи – князь Раймонд де Пуатье и граф Раймонд II Триполийский пребывали в полной апатии, Мелисанда отправила свою армию на помощь к графу Жослену II Эдесскому⁴, и посланные ею войска остановили продвижение армий Имад ад-Дина Зенги вглубь графства Эдесского. В 1157 г. Мелисанда, уже четыре года находившаяся на покое (передав бразды правления старшему сыну Бодуэну III), направила войска своих вассалов, которые отбили захваченный сарацинами замок Галаад на реке Иордан, что отмечает Гильом Тирский, восхвалявший «рвение и изобретательность госпожи и королевы нашей Мелисанды»⁵.

Об отношении Мелисанды к сыновьям Бодуэну и Амори стоит сказать отдельно. Совершеннолетие на Латинском Востоке, как и на французских землях, наступало в 16 лет. Бодуэн достиг этого возраста в 1146 г., но королева-мать и не думала передавать власть сыну. В 1152 г. двадцатидвухлетний Бодуэн III, собрав вокруг себя часть баронов и нобилитета, стал открыто требовать своей коронации. Однако латинский Патриарх Иерусалима Фульхерий отказал ему в отдельной коронации, не решаясь бросать вызов королеве Мелисанде⁶. Это, пожалуй, один из редчайших прецедентов, когда значительная часть прелатов и нобилитета предпочла правление женщины притязаниям вполне легитимного наследника мужского пола. Но Бодуэн III не собиравшись отказываться от своих притязаний, и к 1153 г. отношения матери и сына накалились до предела. В итоге, Мелисанда вынуждена была уступить власть после кратковременной, но ожесточенной гражданской войны. При этом ее младший сын Амори, выступил против старшего брата и неотступно находился при матери, очевидно, находясь под сильным ее влиянием.

---

⁴ *Guillaume de Tyr*. 1844. Lib. XVI, c. 4, p. 710.

⁵ «studio et industria dominae Milisendis reginae». Lib. XVIII, c. 19, p. 851.

⁶ *Ibid.* Lib. XVII, c. 13, pp. 780-781.

Мелисанда сохранила властные позиции и в правление Бодуэна III: она даже принимала регентство над королевством, когда он отбывал на север. По словам Гильома Тирского, Мелисанда «была женщиной, наделенной великой мудростью. Она обладала практически всеми знаниями, которые требовались для управления государством. Она явно превзошла то положение, которое предписано представительницам ее пола, прикладывая свою руку к величайшим деяниям и стремясь превзойти знаменитейших князей, которым она действительно не уступала. Ибо, в годы несовершеннолетия своего сына, она правила королевством с такой неуспяной мудростью и вниманием, что показала себя достойной преемницей своих великих предшественников; в годы ее правления народ наслаждался процветанием и благоденствием»⁷.

Совершенно иная репутация у сестры Мелисанды – Алисы. Осенью 1126 г. Бодуэн II де Бург отдал свою вторую дочь Алису замуж за прибывшего на Восток князя Бозмонда II Антиохийского. Весной 1130 г. Бозмонд II пал в битве с тюрками-данишмедами близ Аназарва. К этому времени у него и Алисы уже была дочь Констанция, ставшая, со смертью отца, единственной наследницей княжеского престола. Однако Алису явно не устраивало положение овдовевшей княгини-матери.

Вопреки воле отца и обычаям княжества (передача власти строго по праву кровного родства), Алиса объявила себя правительницей Антиохии, бросив вызов как антиохийским баронам, так и Бодуэну II де Бургу, и предприняв отчаянную попытку заручиться поддержкой главного противника франков – сельджукского правителя Алеппо и Мосула Имад ад-Дина Зенги. Она направила к Зенги богатые дары, умоляя привести войска к ней на помощь, т.е. против ее собственного отца (!)⁸. Архиепископ Гильом с удовлетворением отмечал, что в Антиохии «было множество богобоязненных мужей, которые осудили безумства этой женщины»⁹. Когда к Антиохии подошла армия Бодуэна II, часть антиохийских франков открыла ворота и сдала город королю. Алиса со своими сторонниками укрывалась в антиохийской цитадели, капитулировав лишь тогда,

---

⁷ «Erat autem mater, mulier prudentissima, plenam pene in omnibus saecularibus negotiis habens experientiam, sexus feminei plane vincens conditionem, ita ut manum mitteret ad fortia; et optimorum principum magnificentiam niteretur aemulari, et eorum studia passu non inferiore sectari. Regnum enim, filio adhuc intra puberes annos constituto, tanta rexit industria, tanto procuravit moderamine, ut progenitores suos in ea parte aequare merito diceretur; cujus quandiu regi voluit consilio filius, optata tranquillitate gavisus est populus, et prospero cursu regni procedebant negotia». Ibid. Lib. XVI, c. 3, p. 707.

⁸ Ibid. Lib. XIII, c. 27, pp. 599-600.

⁹ «Nam in eadem civitate erant viri timentes Deum, insanientis feminae contemnentis proterviam». Ibid. Lib. XIII, c. 27, p. 600.

когда к ней вышел ее престарелый отец Бодуэн II. Однако этот безуспешный мятеж не стал концом «карьеры» для Алисы; молодая вдовствующая княгиня избежала как пострига и заточения в монастыре, так и ссылки. Король Бодуэн II запретил ей посещать Антиохию, но Алиса сохранила за собой богатейшие приморские земли с портовыми городами Латакией и Джабалой, которые были переданы ей покойным супругом – князем Боэмундом II¹⁰.

В 1132-33 гг. Алиса, княгиня Латакии и Джабалы, стала деятельной участницей союза франкских государей и баронов северной Сирии против сеньориальных притязаний нового короля Иерусалимского Фулька (мужа ее старшей сестры Мелисанды): «После смерти своего отца, почувствовав, что настал подобающий час для действия, она вернулась к своим прежним планам, словно обретя второе дыхание. Богатыми дарами и обещанием большей власти она собрала значительное число сторонников, в числе которых был сеньор Саона – Вильгельм и его брат – Гарентон, граф Понс Триполийский, а также Жослен Младший – граф Эдесский»¹¹. Даже если архиепископ Гильом преднамеренно сгущал краски, выводя образ неугомонной Алисы, плетущей заговоры против королевства Иерусалимского, вряд ли можно сомневаться в том, что Алиса выступала в этом союзе сирийских баронов как равноправный участник, совместно с графами Понсом Триполийским и Жосленом II Эдесским. В ее лице мы видим знатную франкскую принцессу, которая без малого 20 лет держала одну из крупнейших сеньорий Антиохийского княжества и всего Латинского Востока, вступала в союзы с окрестными баронами, издавала хартии от собственного имени и не нуждалась ни в одобрении своего сюзерена, ни тем более – в поиске нового супруга¹².

Несмотря на то, что в той же хронике Гильома королева Мелисанда Иерусалимская представлена как кладезь мудрости и добродетели, а ее сестра Алиса как безумная интриганка, нельзя не отметить, что обе сестры предстают как волевые, способные и крайне амбициозные женщины, стремившиеся завоевать высочайшее место в обществе.

---

¹⁰ Ibid. Lib. XIV, c. 4, p. 611.

¹¹ «Illa porro, patre defuncto, putans congruam invenisse opportunitatem, ad prius conceptum iterum aspirabat propositum. Horum autem studiorum complices munerum largitione et promissis super amplioribus, quosdam potentiores effecerat, Willelmum videlicet de Sehunna, Guarentonis fratrem et Pontium comitem Tripolitanum, necnon et Joscelinum juniorem Edessanum comitem». Ibid. Lib. XIV, c. 4, pp. 611-612.

¹² Сохранилось несколько хартий, изданных Алисой, «княгиней Латакии». [Adelicia, Laodicea principissa]. Хартии, датированные 1134 г. и 1150 г., см.: *Röhricht*. 1893. № 263, p. 67; *Röhricht*. 1904. № 152, p. 12.

Не менее яркой фигурой была дочь Алисы – княгиня Констанция Антиохийская, признанная законной правительницей в четырехлетнем возрасте, сразу после гибели своего отца Боэмонта II. Несмотря на то, что на протяжении первых 22-х лет жизни Констанция находилась в тени регента княжества – Фулька Анжуйского, а затем своего первого супруга – князя Раймонда де Пуатье (она была выдана за него в девятилетнем возрасте), вторая часть ее пребывания во главе княжества Антиохийского явно свидетельствует о том, что эта франкская княгиня отнюдь не была лишь «дополнением» к престолу.

Летом 1149 г. Констанция потеряла супруга, павшего в битве при Инабе, и четыре года оставалась вдовой. Разумеется, было немало кандидатов, желавших разделить ложе и престол с молодой княгиней Антиохийской. Однако Констанция, презрев советы своих теток – королевы Мелисанды Иерусалимской и графини Годиерны Триполийской, и отвергнув кандидатов, предложенных сюзереном Антиохии – византийским императором Мануилом I Комниным и старшим из франкских государей Заморской земли – Бодуэном III Иерусалимским, неожиданно взяла себе в супруги малоизвестного и далеко не самого знатного французского рыцаря – Рене де Шатильона¹³. Это можно было воспринимать как вызов, брошенный окружавшим ее государям, прелатам и баронам. Брак с Рене был продиктован исключительно личным выбором княгини. Гильом с горечью писал о том, что многие в Антиохии и Иерусалиме были опечалены тем, что «княгиня, эта могущественная и великолепная женщина, лучшая из лучших, любимая и почитаемая многими, сочеталась браком с простым рыцарем»¹⁴. Иоанн Киннам с негодованием писал о том, что, отвергнув сородича императора, Констанция «сочеталась браком с каким-то Ренальдом»¹⁵. Удивительно не столько то, что княгиня решила отвергнуть политические и династические соображения ради любви, сколько тот факт, что ее решение не оспорили ни вассалы, ни король Иерусалимский, ни византийский император, хотя поведение Рене этому как раз способствовало. За семь лет пребывания на антиохийском престоле, Рене успел прославиться как несколькими яркими походами, так и величайшими скандалами. На заре своего правления он

¹³ Гильом Тирский упоминает, что Констанция отвергла трех женихов, предложенных ей Бодуэном III, а византийский историк Иоанн Киннам рассказывает, как она отвергла родственника императора Мануила I Комнина – кесаря Иоанна Рожера. *Guillaume de Tyr. Lib. XVII*, с. 18, pp. 789-791; *Иоанн Киннам*. Кн. IV, гл. 17, с. 196.

¹⁴ «*principissam, non sine multorum admiratione, quod tam praeclara, potens et illustris femina et tam excellentis uxor viri, militi quasi gregario, nubere dignaretur.*». *Guillaume de Tyr. Lib. XVII*, с. 26, p. 802.

¹⁵ *Иоанн Киннам*. Кн. IV, гл. 17, стр. 196.

подверг жутким истязаниям латинского Патриарха Антиохии – Амори де Лиможа, в 1156 г. – дотла разорил византийский Кипр, а осенью 1158 г. позорно капитулировал перед византийским императором. Однако, несмотря на эти, возмущавшие современников события никто из баронов и прелатов не посмел бросить Рене открытый вызов, смиряясь с выбором княгини. В 1160 г. князь Рене был пленен тюрками-сельджуками и обрел свободу лишь через 16 лет, уже после смерти Констанции.

Для Констанции начался период трехлетнего самостоятельного правления. К этому времени, ее старший сын Боэмонд III достиг совершеннолетия и, опираясь на поддержку иерусалимского короля и антиохийского нобилитета, заявил о своем праве на престол, но Констанция, заручившись поддержкой Мануила I Комнина, удержала власть в своих руках¹⁶. Таким образом, в Антиохии развернулись ровно те же события, какие в 1149-53 гг. имели место в Иерусалиме: борьба между находившейся у власти матерью и ее достигшим совершеннолетия сыном. История этой борьбы описана в хронике Михаила Сирийца: «после того как Ренальд был взят в плен тюрками и заключен в Алеппо, его жена, которой принадлежала Антиохия, унаследованная ей от отца, приняла власть над городом и правила им, как полноправная государыня. У нее был сын, который уже достиг совершеннолетия, но не был допущен к власти, что вызвало раздражение у властителей той страны»¹⁷. В 1163 г. Боэмонд III, при поддержке своих вассалов и киликийского князя Тороса II Рубенида, смог поднять восстание и изгнать мать из Антиохии. Последние годы жизни Констанция провела в Латакии, получив от сына титул княгини Латакии и Джабалы, и повторив в этом судьбу своей матери.

Помимо Констанции Антиохийской, мы видим в Иерусалимском королевстве и других женщин, которые либо самостоятельно правили своими сеньориями, либо передавали права на унаследованные фьефы мужьям. Лучшими примерами подобного «женского присутствия» во главе сеньорий могут служить Эшива де Буре, княгиня Галилейская, и Стефания де Милли, сеньора Трансиордании. Эшива де Буре унаследовала княжество Галилейское у своих скоропостижно скончавшихся братьев Алинарда и Гильома II и дважды передавала земли княжества своим супругам, вначале – Готье де Сент-Омеру, а затем – графу Раймонду III Триполийскому. Стефания де Милли, остававшаяся сеньорой Трансиордании на протяжении девятнадцати лет (1168-1187 гг.), последовательно передавала унаследованный титул и земли трем мужьям: Онфри III де Торону, Милю де Планси и, наконец, бывшему князю Ан-

¹⁶ *Runciman*. 1995. Book IV, c. 3, p. 358-359; *Cahen*. 1940. Pars IV, c. 1, p. 405-406.

¹⁷ *Michel le Syrien*. Vol. III, Lib. XVIII, c. 10, p. 324.

тиохийскому Рене де Шатильону¹⁸. В Антиохийском княжестве присутствие женщин во главе сеньорий сильнее всего ощущалось на закате правления нормандской династии де Отвиллей. Так, в начале 1130-х гг. во главе трех из шести великих сеньорий княжества Антиохийского стояли женщины. На княжеском престоле Антиохии находилась малолетняя княжна Констанция, сеньория Латакии и Джабалы принадлежала вышеупомянутой княгине Алисе, а сеньория Тарса и Мамистры, объединявшая все земли франкской Киликии, была фьефом Сесилии де Бург – сестры короля Бодуэна II и вдовы князя Рожера Антиохийского¹⁹.

Одним из наиболее символичных выражений франкского отношения к женской власти на Латинском Востоке стала коронация Сибиллы Иерусалимской и ее супруга – Ги де Лузиньяна в Храме Гроба Господня в сентябре 1186 г. Сибилла, будучи дочерью короля Амори I Иерусалимского, старшей сестрой короля Бодуэна IV Прокаженного и матерью умершего в младенчестве короля Бодуэна V, имела все кровные права на королевский престол. Ее супруг – граф Яффы и Аскалона Ги де Лузиньян мог рассчитывать на королевский венец лишь по праву брака. Согласно Продолжателю Гильома Тирского, во время коронации «Патриарх (латинский Патриарх Иерусалима Иракий – С.Б.) возложил один венец на алтарь Храма, другим же короновал графиню Яффы. Когда графиня была коронована и возведена в сан королевы, Патриарх обратился к ним со следующими словами: “Сударыня! Будучи женщиной, Вам подобает избрать мужа, который помог бы Вам править королевством. Вы видите пред собой корону. Возьмите же ее, и передайте тому, кто способен править королевством”. Она взяла корону и подозвала своего мужа, со словами: “Сир! Подойдите же и примите корону, ибо я не знаю лучшего места, куда ее возложить, кроме как на Вашу голову». Он встал пред ней на колени, и она возложила на него королевский венец”²⁰. В словах, приписываемых Патриарху, читается двойственность франкского отношения к женской власти. С одной стороны, отмечается слабость женского пола и неспособность женщины быть полноценной, самостоятельной государыней, но при этом именно женщине предоставляется право выбирать себе соправителя, и с этим выбором смиряется как Церковь, так и нобилитет.

На долю франкской сеньоры в Заморской земле выпадало не только управление фьефом; подчас ей приходилось возглавлять оборону городов от мусульманских армий, после того как франкские войска оказыва-

¹⁸ Подробнее см.: *Riley-Smith*. 1973; *Hamilton*. 2000.

¹⁹ Подробнее см.: *Asbridge*. 2000. P. 155-180. Хартию Сесилии де Бург, сеньоры Тарса и Мамистры, датированную 1126 г. см.: *Röhricht*. 1904. № 114. P. 9.

²⁰ *Continuatur de Guillaume de Tyr*. 1859. С. 17, p. 29.

лись разбитыми в полевых сражениях. Так, в последний год существования графства Эдесского во главе этого франкского государства встала графиня Беатриса, жена плененного сельджуками графа Жослена II де Куртенэ. На ее плечи выпала как оборона столицы графства – города Турбессель, так и переговоры с Мануилом I Комниним о передаче франкских территорий ромеям. Выдержав первые атаки сельджуков, которые начались сразу же после пленения Жослена II, Беатриса смогла призвать на север армию палестинских, антиохийских и триполийских франков, во главе с королем Бодуэном III Иерусалимским, продать земли своего графства византийскому императору и армянскому католикосу, и, после эвакуации франкского и армянского населения, успешно пристроить своих детей – Жослена III и Агнессу – в пределах княжества Антиохийского и королевства Иерусалимского²¹.

Летом 1187 г. оборона Тивериады, столицы княжества Галилейского, выпала на долю Эшивы де Буре, в то время как ее супруг граф Раймонд III Триполийский и четыре сына находились в рядах королевской армии, выступившей от источников Сефории и разгромленной Салах-ад-Дином в битве на Рогах Хаттина. По-крайней мере, доподлинно известно, что после уничтожения армии Иерусалимского королевства, именно Эшива де Буре возглавляла переговоры с Салах-ад-Дином о сдаче Тивериады и эвакуации ее жителей: «Когда сеньора Тивериады прослышала о пленении короля и разгроме христианского войска, она решила, что и ее муж, и ее дети пропали. Она тут же направила послание к Саладину, известив его о том, что она готова сдать ему Тивериаду в обмен на безопасный проход к Триполи. Саладин с готовностью согласился и немедленно направил войска к городу, чтобы занять укрепления и препроводить сеньору и народ Тивериады в безопасную местность»²².

Вспомним и о том, что последним правителем графства Триполи была графиня Люсия Триполийская. Наследовав своему брату – бездетному князю Боэмунду VII, Люсия оставалась у власти вплоть до падения графства под ударами мамлюкских армий султана Калауна. Когда мамлюки, после трехмесячной осады, ворвались в Триполи, Люсия, вместе с некоторыми знатными франками и итальянками эвакуировалась на Кипр, а затем – в Южную Италию, навсегда покинув пределы Заморской земли²³. Изображение этой женщины, восседающей рядом с епископом, в окружении вассалов, посреди осажденного мамлюками города можно

---

²¹ *Guillaume de Tyr. Lib. XVII, c. 15-17, pp. 783-789. Michel le Syrien. Vol. III, Lib. XVII, c. 12, pp. 296-297.*

²² *Continuatur de Guillaume de Tyr. C. 45, pp. 67-68.*

²³ *Le Templier de Tyr. Livre III, cc. 468-479, pp. 232-239.*

увидеть на одной из миниатюр генуэзского кодекса XIV в., хранящегося в собрании Британской библиотеки (MS Additamentum, № 27695).

Итак, на землях Латинского Востока где сосредоточилась наиболее воинственная и активная часть западного населения, мы видим женщин, которые наравне с мужчинами держали фьефы, издавали хартии, стояли во главе оборонявшихся городов, восходили на престолы, и даже вступали в открытую борьбу за власть со своими достигшими совершеннолетия сыновьями. Все это говорит о том, что некий импульс к упрочнению положения женщины среди франкского нобилитета не может быть списан на внешние изменения, т.е. на крестовые походы или «опустевшую» после многочисленных войн Западную Европу. Очевидно, подобный импульс был заложен в некоей внутренней парадигме культурного развития западно-христианского общества, вступившего в эпоху Высокого средневековья. Парадоксально лишь то, что этот импульс с особой силой проявился на территории Латинского Востока, оторванного от всего остального «западного» мира и окруженного землями сарацин.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Asbridge T.* The Creation of the Principality of Antioch. 1098-1130. Woodbridge, The Boydell Press, 2000.
- Cahen C.* La Syrie du Nord a l'epoque des Croisades et la principaute franque d'Antioche. Paris, 1940.
- Continuatur de Guillaume de Tyr.* Historia rerum in partibus transmarinis gestarum, *RHC Occ. II.* Paris: Imprimerie Imperiale, 1859.
- Guillaume de Tyr.* Historia rerum in partibus transmarinis gestarum, *RHC Occ. I.* Paris: Imprimerie Royale, 1844.
- Hamilton B.* The Leper King and his Heirs: King Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. Cambridge University Press, 2000.
- Iacobi de Vitriaco.* Iacobi de Vitriaco libri duo, quorum prior Orientalis sive Hierosolymitanae, alter Occidentalis Historiae nomine inscribuntur. Douai, 1597.
- Riley-Smith J.* The Feudal Nobility in the Kingdom of Jerusalem. 1174-1277. London, Macmillan Press Ltd., 1973.
- Röhricht R.,* ed. Regesta Regni Hierosolymitani. Innsbruck, 1893.
- Röhricht R.,* ed. Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum. Innsbruck, 1904.
- Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. II: The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East. Cambridge University Press, 1995.
- Le Templier de Tyr.* Les gestes des Chiprois. Geneva, 1887.
- Иоанн Киннам.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов // Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской духовной академии. СПб., 1859.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М: Прогресс-Академия, 1992.
- Брюн Сергей Павлович,** аспирант Института культурологии Государственного академического университета гуманитарных наук; *sbrun@mail.ru*